

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ
ВОСКРЕСЕНЬЯ

Евгения Янова

Евгения Янова

Последний день воскресенья

«Издательские решения»

Янова Е.

Последний день воскресенья / Е. Янова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900120-7

Не детектив. Не ужастик. Не мелодрама. Не научная фантастика.
Не приключения. Не детская сказка. И даже не взрослая. Не об уточках, хотя они очень важны. Просто два человека заходят в здание. Для одного там лишь серость, пыль и грязь. Для другого — свет, цвет и надежда. Это книга о постоянном поиске, умении видеть и находить. А что видите вы?

ISBN 978-5-44-900120-7

© Янова Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Ева	7
I	7
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последний день воскресенья

Евгения Янова

© Евгения Янова, 2017

ISBN 978-5-4490-0120-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ничто не предвещало беды. Ничто не предвещало ничего, было идеально и схлопнулось самое в себя.

Жизнь – это череда несчастий. Замкнутая вереница невыполненных обещаний, несбывшихся надежд, неосуществившихся мечтаний и невзаимной любви. Жизнь иногда дает шанс. Что-то вроде квартальной или годовой премии. Когда ты практически полностью погружен в отчаяние, она подбрасывает тебе минуту счастья. Как слабая искорка веры в остаток своих сил. Что можно еще подождать, потерпеть, подсобраться. Еще немного поработать, и все наладится. Потому что все было не зря. За жизнь у каждого так и набираются собственные пять минут счастья. Пять минут счастья, которые должны оправдать бессмысленно и бесцельно убитые десятилетия.

Иногда люди просто уходят. Они не берут деньги, ключи от машины или дипломы. Они уходят тихо и навсегда. Прочь. Кто-то доходит до остановки и понимает, что даже сев на случайный автобус, не уедет далеко. У каждого маршрута есть конец. И бежать от этого конца некуда. А людям так нужен именно счастливый конец. Чтобы герои жили вечно. Чтобы счастье было в каждом взоре. Чтобы никто не уходил навсегда.

Но иногда кто-то доходит до остановки, до вокзала, до другого города. Бежит и бежит. В путь и в путь. Кто-то может так никогда и не осознать, что бежать некуда. От конца не убежишь. Он наступил в тот самый момент, когда за вас сделали ваш первый шаг.

Некоторые это понимают. Бывает, что им даже не нужно выходить для этого понимания из комнаты. Но дорога к осознанию, сколько бы миль она ни намотала, сколько бы кругов по спальне ни накрутила, всегда приводит обратно. И люди возвращаются.

Они приходят, бледными теньями настоящего без прошлого и будущего. Обглоданные до костей сознания оболочки погибшей надежды. На вечную жизнь и молодость, которые мне так часто желают на день рождения.

Таких не спасти. У них ничего не остается, им не остается ничего. Они перестают требовать хорошего от конца. Они перестают врать даже самим себе. Они знают, что закончились и нет пути назад.

Жизнь – это череда страданий. Это очевидно, если перестать обманываться, протрезветь и оглянуться на то дерьмо, по уши в котором мы живем. А сколько ни старайся, из говна конфету не слепить.

Никто не призывает к ничему. Потому что это дерьмо вокруг – самое большое, что способна создать жизнь. Чтобы было больше, чем ничто.

А ничто не предвещает беды. Ничто не предвещает ничего. Оно становится идеальным и схлопывается самое в себя, забрызгивая нас. Двух скомканных друг в друга котят на помойке в метель. Двое против всех. Одной бесконечной ночью. Эта ночь будет длиться для нас вечно. Она единственная, она последняя. И грязь от проезжающих мимо машин – те самые крохи жизни, которые поровну достаются снегу, помойке и котяткам.

Ева

I (Уточки)

Это – Ева. Еву возбуждают стены. Как из неиссякаемого родника, который в том или ином виде всегда с тобой, она вглатывает из стен желание. Желание к миру. Желание к себе. Желание себя. Из самого сердца стен. Таких холодных, таких манящих, таких полных секса каменных стен. Кафельных стен. Деревянных стен, что врезают свои маленькие пики-занозы в Евины короткие пальцы. Ева любит стены и черпает из них свой сок. Стены кружат ей голову, как постоянное напоминание о желании. Они томно сдвигаются вокруг Евы и никуда не выпускают. Куда бы Ева ни бежала, стены всегда будут рядом, всегда поддержат, всегда поймут.

Ева появилась на пороге общежития примерно с таким же уровнем внезапности, с каким появляются первые лобковые волосы. Она тащила за собой на поводке больших размеров чемодан, который по определению был ей не нужен. Но в чемодане тоже стены есть, просто мелкие еще. Если вы понимаете, о чем я.

У Евы карие глаза, всегда были. Но ей всегда хотелось фиолетовые, как в мультиках. Поэтому мы все будем считать, что у Евы фиолетовые глаза, точь-в-точь как у героев мультфильмов.

У Евы кудрявые золотые с рыжебесиной волосы. Волосы Вероники, волосы спелой невинности, волосы спелой невинности Вероники, спаренной с чертовщиной. Их любит солнце, а они любят серебро. Противоречие, всегда и во всем. Когда солнцу спорится с луной, месяц недопонимает и развлекается с весной.

На Еве глупые шорты и белая футболка с рисунком плюшевой утки. На Еве ярко-голубые кроссовки. Она единственный островок цвета на этом празднике жизни. И хоть сейчас лето, по душам всех вокруг шарятся грубые и морозные вихри. Тишина. И только безглазые твари стоят, безмозгло курят и щурят души на свету.

В такие полдни всегда играет музыка. Неважно какая, но музыка серебрит собой все пешеходные дорожки, по которым унылым спецназом двигаются мамы с колясками. Вы когда-нибудь видели птенца голубя? Нет. И я нет. А вы когда-нибудь видели беременную женщину с улыбкой на лице? Нет? И я нет. По крайней мере не на улице. Вы когда-нибудь видели довольную и улыбающуюся маму с коляской? Нет. Они ходят по двое. Иногда по трое. Если они ходят по трое, то эти маленькие танки на колесиках диаметром с самокатные, перекрывают все существующее движение материи на тротуаре. Потому что матери идут с колясками, втроем. Их не обойти. На вас так и прет мощь будущего. Гундосящая мощь прошлого, которая пинает вперед сопящие комочки надежды на просветление и спасение. Они никогда не говорят друг с другом. Ни прошлые мощи, ни будущие. Потому что будущие еще не могут, а прошлые уже не хотят. Но если подойти поближе, постараться прислушаться, представить, что они действительно разговаривают, можно услышать приглушенное «ко-ко-ко». И уйти своей дорогой с чувством непонятости бытия.

День, зеленый район, асфальтовые дорожки, окруженные холодным металлом невысоких нелепых заборчиков. Каждый из которых охраняет свою крепость. Каждый заборчик знает, что он крепостная стена. Что если он падет, то невиданное Что-то, о котором он никогда не подозревал, захватит ту нежную и беззащитную землю плодородия, что он призван защищать. Поэтому заборчики всегда стоят насмерть. Они не сгибаются под костлявыми жопами алкашей. Они не дрогнут под натиском велосипедных колес. Их не испугать пролитым пивом или воро-

ней какашкой. Заборчики, маленькие и недопонятые рыцари улиц, всегда будут нести свой безмолвный ржавеющий дозор имени облезавшей краски. Но не допустят ига на своих землях.

В этих домах так много окон. Зашторенных и не очень. И всегда ощущается пристальный взгляд каждого дома, который пялится во всю свою сотню окон. И бдит. И следит. И подглядывает. Надзирает за кококачащими мамашами с чадами и подружками. Они бесконечно жалуются на своих мужей и недовольны своими чадами. А потом мужья приходят домой, а их встречают любящие жены да вышколенные младенцы. Но дома видят это лицемерие. И делают гораздо худшие вещи – дома не забывают. Помните о том, что дома не забывают. Помните.

Если отбросить случайное и отобрать существенное, то получится, что по дорожке, которая ведет к не выдающемуся высотой неопределенно-красноватого цвета общежитию, подходит миловидная девушка с чемоданом. Как может светит солнце, а девушке в след смотрят голуби.

На крыльце общежития стоит от двух до трех парней молодого возраста и занимаются тем, чем обычно занимаются от двух до трех парней молодого возраста в конце лета, на ступеньках общаги в те редкие моменты, которые случаются так часто, когда им нечем себя занять. Они курят сигареты из ближайшей палатки и обсуждают. Сейчас модно обсуждать, поэтому этим они и заняты. Если бы было модно не обсуждать, они бы не обсуждали, но именно обсуждать модно. Неизвестно, чем бы они занимались, если бы было модно быть немодным. Скорее всего они бы не обсуждали.

Девушка Ева, которую обычно нельзя смутить ни грубой демонстрацией гениталий, ни внезапными проявлениями нежности, замедлила в замешательстве свое путешествие. В ее тонкой фигуре с вероятностью, приближенной к ста процентам, если прибавить к ним еще немножко процентов (на четыре меньше пятидесяти), читалась необходимость попасть в строго определенное место. Адрес которого был записан в специально отведенном под такие цели предмете. Однако продолжить свое шествие она так не может ввиду полного отсутствия опознавательных знаков как в тексте адреса, так и во внешнем проявлении предстоящего перед нашими взорами общежития. В такой непросто сложившейся ситуации Ева выбирает самый закономерный путь развития сюжета:

– Здесь? – спрашивает она.

– Здесь, – утвердительно выдыхают сигаретный дым от двух до трех парней на ступеньках.

– Таблички нет, – проницательно замечает Ева.

– Коменданта тоже, – оправдывая табличку, заявляют парни.

Табличке не оставляют выбора, поэтому, оправданная, она продолжает отсутствовать.

Один из молодых людей мужского пола, будто очнувшись от оцепенения, которое обычно нагоняет реклама во время употребления овсянки на завтрак, вспоминает быть джентльменом. Он протягивает своей новой знакомой пачку сигарет и вводит в курс обсуждения. Ева никогда не заставляет просить себя дважды, соображает быстро и, уцепившись за сигарету, достает свою зажигалку с бабочками. Есть некоторое скрытое удовлетворение в том, чтобы извлекать огонь из бабочек, а не направлять его на их крылья. Для разнообразия, например.

Хотя был один случай. Когда Еве было совсем немного лет, у нее были друзья. Среди этой компании считалось приличным уметь ловить стрекоз. Особенно шикарно воспринималось мастерство по отлову самых быстрых, голубых, стрекоз. Наверное, еще и потому, что толстых и медлительных коричневых было больше. По неважным причинам именно толстая и медлительная коричневая стрекоза была поймана в тот день, о котором сейчас идет речь. И, вопреки известной истине, что спички не являются лучшим средством для удовлетворения детской потребности в познании мира через игровой процесс, Ева и друзья решили поджарить стрекозу на спичке. Это был первый в их жизни шашлык, который, сколь бы незначительным он ни был в размерах, был честно разделен между всеми участниками торжества.

Казалось бы, причем здесь бабочки. Но внимательный читатель помнит, что бабочки нарисованы на зажигалке, которая принадлежит Еве, которая прикуривает сигарету, которую ей дал парень, который стоит со своими друзьями на ступеньках общежития, куда в общем и целом Еве и надо попасть рано или поздно, так или иначе, но в идеальном раскладе – до первого дня первого семестра университета, в который им всем смогло поступить по совершенно разным причинам в разные годы с различной степенью успешности и далеко не одинаковыми выводами из случившегося.

А зажигалка у Евы всегда с собой. Но не потому, что ей очень нравится курить, а потому, что всегда хочется носить с собой хотя бы немножко тепла и огня.

Юноши на пороге после непродолжительного обмена мнениями все же пришли к выводу, что их трое. В связи с чем, для ровного счета, было просто необходимо принять Еву в свои ряды.

– В нас всех так и горит огонь не терпящего отлагательств посещения местного пруда. Нужно покормить уток, – голосом, не терпящим возражений, ультимативно пробормотал один из трех.

– У меня уже есть уточка! – Ева обратила внимание смотрящих, будто сквозь нее, внезапно обретенных товарищей, – Почему мы не можем сначала покормить ее?

Принципиальных возражений, возражений, заслуживающих внимания, или вообще возражений хоть в какой, вербальной или невербальной, форме выдвинуто не было. Поэтому все дружно отправились в местный магазин через дорогу, чтобы купить корм для Евиной утки и ее друзей на пруду.

Путешествие было недолгим и бедным на события, как ассортимент в местном магазине. Тем более никто не представлял, чем кормят уток на белых футболках. Кто-то предположил, что ничего сверхъестественного в этом нет, и кормить надо батоном. К батону незамедлительно прибавился кефир и соответствующая музыкальная композиция. Белая футболка Евы с желтой пушистой уточкой стала стремительно превращаться в майку-алкашку с пятнами горчицы. Так она парням стала заметно меньше нравится. Как Ева, так и майка-алкашка.

Следующим предположением стала шоколадка. Что, безусловно, понравилось обладательнице футболки, но по какой-то совершенно невразумительной причине все вокруг вдруг округлилось и стало походить на притягательные пузырьки нежности, которые так и норовили лопнуть в самых неподходящих местах, чтобы столкнуть вместе как можно больше разнополых людей и вызвать неловкость и нежность. Фиолетово-белая корова с надписью на боку помычала и потрясла колокольчиком на шее.

Печенье в этот момент особенно ярко зазолотело на грязеньком прилавке. Поскольку только печенье осмелилось выдвинуть свою кандидатуру на пост корма, его и купили. Кулечек с драгоценным материалом было доверено нести одному из парней, для удобства назовем его Ник.

Выйдя из магазина, Ник решил исполнить свой гражданский долг и накормить уточку, но Ева возразила, что ее любимый рисунок совершенно точно не любит обедать в одиночестве, так же как завтракать и ужинать. Поэтому все направились к пруду, разделить утиную трапезу. Которая скорее напоминала полдник, чем обед, в связи с чем возмущение желтого и мохнатого существа с клювом можно было вполне проигнорировать и, наконец, существо накормить. Потому что к данному моменту повествования оно крикало настолько безбожно, что, даже если бы бог и существовал, он сам утратил бы веру в себя.

Вполне вероятно, что так все и произошло на самом деле. И мы теперь, благодаря рисунку на предмете одежды, живем в одном-единственном мире с богом-атеистом. Вероятно, это не так трагично, как соседние миры с богом-аистом и богом-аутистом. Но если судить по окружающей обстановке, нашему миру не так чтобы сильно повезло. Вполне возможно, что остальные боги подвергнут нашего бога дискриминации по богическому признаку, исклю-

чат его из своего клуба, заставят вернуть памятный значок и больше не будут звать гулять. И после всех этих ударов судьбы бог только пуще прежнего убедится, что его не существует, станет радикальным атеистом и попытается нанести вред совселенцам. Что будет бесконечно печально и абсурдно в самой своей сути. С другой стороны, глупо обвинять во всем утку, потому что. Если трезво оценивать факты, то подобные события, если имели место быть, случились еще во времена, когда и проект утки не был загружен в матрицу, и тем более не существовало самой матрицы, проекта и каких-либо определенных перспектив на тему завтрашнего дня или что такое странное понятие как «завтрашний день» могло бы означать.

Неизвестно, какие чудеса могли бы произойти с нашими героями, задумайся они о том, что же такое завтра. Может, они бы не пошли на пруд. Или решили бы в нем утопиться. Вероятно, они бы не тратили время на печенье, а сразу бы купили водки. Наверное, кто-то из них стал бы счастливее. А кто-то несчастнее. Но почему-то все было совершенно неважно. Есть такие дни, обычно солнечные в меру. Ты их запоминаешь, но не благодаря невиданным событиям, приятным сюрпризам или вкусной еде. Они оставляют после себя нелепый привкус тошноты и недосказанности. Это дни, обладающие могучим потенциалом для превращения в лучшие моменты жизни. Но потенциал этот так и остается валяться возле скамейки неподнятой книгой. Нераскрытым письмом. Несфотографированным кадром. Непочиненным игрушечным самосвалом.

Словом. Чудны предметы твои, человек у скамейки!

От случайного стечения обстоятельств друзья подошли к пруду. Ну как пруду. Определенно это был водоем. Однозначно вдоль него были расставлены лавочки, на которых с одинаковым фатализмом сидели дедушки, внуки, мамы, возле чьих ног неспешно не трогались с места коляски. А в воде было много того растения, что принято называть камышом. Все знают, на самом деле это не он, а называют все равно камыш.

В воде плавали уточки. Наша уточка тоже бы хотела плавать. Но плавала не она.

Птиц у воды всегда хочется трогать. Кажется, они такие пушистые и милые. Не причинят тебе вреда. Но если подойти к одной из таких. Постоять рядом и подождать. «Подожди, пусть она созреет» – подумать тихонько про себя, представляя барона Мюнхгаузена с уткой. А утку с яблоками.

Но в ответ от водоплавающего можно услышать только что-нибудь вроде прерывистого диалога:

- Честно говоря,...
- В глубине души,...
- Я просто хотел поговорить с жабкой.

И больше тебе никто не ответит, не помашет крылом, не щелкнет приветливо клювом. Они съедят твой батон и запьют кефиром из болотной воды. Они навоображают себе грибов и прилягут поспать. Тогда все, происходящее вокруг, останется для тебя реальностью. Но для утки это будет совершенно другая Вселенная.

Мечтают ли утки об электрических жабках?

Если бы люди знали все ответы и все вопросы, то в их существовании не было бы надобности. Но почему-то именно мечтательные предпочтения уток так навсегда и останутся загадкой. Поэтому, пусть даже болтающаяся на конце соломенного волоска, все еще остается необходимость в человеческом существовании. Необходимость, воплощенная в черепахе, формой больше похожей на вопросительный знак. Мы навсегда в безопасности. Потому что никто, скорее всего, не сможет правильно спросить. И тем более убедить черепаху-вопросительный-знак встать на свое место в предложении.

Мечтают ли уточки об электрических жабках? Разве так должно звучать? Удивительно, как одно вопросительное предложение тянет за собой толпы своих товарищей. Давайте все

здесь и сейчас договоримся всегда задавать вопросы. Никогда не давать ответы. Мы в безопасности. Можете проклинать и прославлять меня за спасение.

Помнится, предыдущему спасителю вы были не рады. Но там, где все фиолетовые, с рожками, на далекой планете, где в прудах плещутся пушистые уточки. Которые, кстати, никогда не мечтают об электрических земноводных. Там никто вас не осудит. Прямо у этих ребят в конституции записано: «Не осуждать никого, кто послужил причиной гибели божественной, псевдо божественно или основанной на вере около божественной сущности, независимо от самого документально подтвержденного факта существования когда бы то ни было в пространстве-времени такого события или подобного ему». Если вы ощущаете себя скорее сиренывым, нежели фиолетовым, то суть данной статьи так и останется навсегда призрачной и туманной. С приглушенными завывающими звуками и белой простыней с прорезями. Именно так выглядят туманные и призрачные сути. Честное слово. Я в кино видел.

Ева, Ник, Алекс и Макс подошли к пруду. Чтобы задуматься. Например, Ник задумался о чем-то. О чем-то другом задумался Алекс. Совсем в умиротворении растворился Макс. А Ева начала размышлять над тем, что бы случилось, если бы ее звали Ася.

Ей было бы совсем мало лет, скажем, пять. И у нее был бы самый лучший друг, которого только можно пожелать, если тебе пять лет от роду. Его тоже как-нибудь да звали бы. И вот Ася и друг проводят все дни вместе, они играют, читают и познают новое под бдительные взоры воспитателей. Это особые воспитатели, они работают в крупнейшем межгалактическом детском доме. Поэтому совершенно необязательно, что Ася и друг одной расы. Они точно разного пола, может быть, не диаметрально разного, но все же отличного. Иначе было бы неинтересно.

И вот однажды прилетают на сверкающих леталках серьезные дяденьки в костюмах. У них специальное выражение лица для особо торжественных случаев. Потому что они прибыли с благой целью. Объявить о старте программы по набору детей в экипажи космических кораблей. Каждый соплеклассник может принять участие. Для этого необходимо учиться лучше всех, вести себя лучше всех и, разумеется, есть утвержденную межгалактическим советом манную кашу тоже лучше всех. Даже лучше самого себя, если действительно хочешь попасть на космический корабль, а не влачить свое жалкое существование на этой богом забытой планете где-то там на окраине Галактики, зато в самом центре своей личной Вселенной.

И это вызов для Аси и друга. Они начинают учиться еще лучше, хотя никто и подумать не мог, что эти маленькие чудокинтеры на такое способны. Они всегда вместе, поддерживают друг друга, если что-то не получается, стараются решить свои проблемы совместными усилиями. Воспитатели не нарадуются. Родители не... ах да, родителей просто не.

И вот учебный год пролетел, как один очень затяжной и утомительный день. Подошел момент подведения итогов. Сейчас прямо здесь огласят имена тех счастливиц, что все же попадут на космический корабль. Все замерли в ожидании. Никто и не смеет надеяться, что позвать могут шестилеток. Все взоры обращены только на ребят постарше.

Наконец, в гигантском, по потолок наполненном зале, красиво украшенном стараниями всех учеников, серьезный и важный, специально обученный для таких мероприятий господин начинает читать длинную и туманную речь. Суть которой осталась загадкой для всех, кроме ведомства, сотрудники которого неделями не спали, чтобы сочинить такую дивную речь. Но вот волнение усиливается за пределами, дыхание становится прерывистым, ладошки потеют.

И дяденька таки произносит имена. Конечно, он называет старшеклассников, подростков, взрослых уже почти людей. И вот в тот самый момент, когда, кажется, надежды уже не остается. Под жужжание майского жука, явно прилетевшего сюда поглазеть из параллельной вероятности. Большими буквами на ярком экране и триумфальным гулом в ушах, что отказываются верить, выскакивают имена Аси и друга. Все аплодируют, хлопают стоя, стоя даже на стульчиках, скамеечках и подоконниках. Момент абсолютного счастья, когда Ася и друг проходят мимо всех этих людей, не чувствуя под собой конечностей и завершают стройную выдающуюся

юся шеренгу избранных. Они сочатся гордостью, предубеждением, разумом, но больше всего чувствами.

– Ну что, здесь писать будем?

Как всегда невовремя. Сладкие мечты разбиваются о суровую реальность. Своей суровой реальности это еще можно простить. Но когда чья-то чужая реальность необходимости выгула собаки и необъяснимое желание вести светские беседы со своим питомцем врываются в мечты. Это чуть более чем непростительно и обидно. Ася обиделась. Ева обиделась тоже. Друг предпочел не вмешиваться в тонкую душевную организацию женской обиды. Ник, Алекс и Макс осознали, что у них есть рты, руки и пачки сигарет.

Так они и стояли у пруда, синхронно куря. Одну долгую мечтательную сигарету, пока Асю забирали на другую планету в центр подготовки космических полетов.

Утки кричали и мечтали об электрических овнах.

Все были при деле. Все шло своим чередом. Время не знало себе равных в бездарной трате самого себя. Момент абсолютного и бесконтрольного счастья висел в воздухе душной и влажной занавеской. Даже скорее тюлем. Пахнувшим пылью. Очень вкусно пахнет асфальтовая пыль после дождя. Если есть на этом свете романтика, то она именно там, на асфальте. В луже. В луже пыли. Большого города, который все давно забыли. Но кричат, что знают его лучше всех. Погрустим и поплачем об этом бесконечном счастье. С другом. Обязательно с другом. Ася без друга не комплектуется. А Ева, напротив, не знает своих друзей напротив.

– Пивка бы.

– Ага, печенье-то уже у нас есть.

И нестройной стайкой четверо искателей приключений отправились в очередной магазин к продавцу счастья.

Алекс начал рассказывать, в общем и целом безадресно, о том, как...

Однажды он с приятелем, по совместительству человеком схожих взглядов на женщин, а этого обычно достаточно. Решили они как-то раз заняться здоровым образом жизни, позитивными размышлениями и вспомнить о так и несостоявшейся карьере полупрофессионального спортсмена, который уже бегаёт быстрее соседа по комнате, но допинг ему еще никто не предлагает.

Примерно через неделю после принятия такого важного решения. И решений попроще, зато литражом поприятнее, они встретились в общаге, где жил Алекс, а его друган, имя которого затерялось на то ли одной станции метро, то ли на соседней ветке, не жил.

Времени было примерно полдень. Тогда они и решили, что это самый подходящий момент для пробежки.

Необходимо не соврать и сказать чистейшую правду – минут двадцать они точно пробежали. И вот, маршрут забега плавно завершился у ступенек общежития, где комендант, тогда еще мужского пола. Это потом комендант обрел женский пол, чтобы испытывать ко всем обитателям материнские чувства, утешать их и напоминать о необходимости периодического питания и зимних головных уборов. Но тогда это был вполне себе дядька, который совершенно не стеснялся стрелкнуть у местных жителей полтинник на пиво и сигареты. Не было причины у коменданта постесняться взять в безвозмездное пользование денег даже у спортсменов.

На самом деле, будем здесь абсолютно объективны. Разгар чудесного весеннего дня, два друга студенческого возраста прибыли с пробежки и на радостях от того, что им удалось выручить какими-то там деньгами самого коменданта, они посчитали весьма логичным не отстаивать. Поэтому хорошенько освободив организм от застоявшихся вредных веществ и отравленного воздуха, немедленно возместили утраченное.

– Пивка бы, – заявил тогда Алекс.

– Держи, – протянул ему сигарету заботливый друг, – пойдём в магазин.

– Только давай в дальний пойдём, в этом комендант.

На том разгар чудесного весеннего дня начал превращаться в вечер с постыдными, но немногочисленными воспоминаниями.

Такую историю рассказал Алекс, пока четверо пассивных искателей приключений шли в магазин шаговой доступности. Который почему-то с каждым шагом становился все более дальней перспективой. Это могло бы показаться загадочным обстоятельством, если не было бы разумной отгадки.

В один из разов. Как сейчас помню, это был выходной, иду я по улице, а навстречу мне кот. Дворового кота всегда можно отличить от дворовой кошки. Причем последних я сильно не люблю. Здесь нет никакой дискриминации, потому что домашних кошек я тоже не люблю. Все кошки должны быть котами. И не просто котами, а теми самыми, очень пушистыми, очень толстыми котами, которые всем своим видом и образом жизни расплескивают идею толстоты и покоя.

Итак, история моя в том, что она совершенно не моя, по правде говоря. Это история Евы. Да, сейчас, прямо в этот момент Ева не Ася.

В сравнительно старых спальных районах города иногда можно встретить такие приятные небольшие водоемы. Точь-в-точь как тот, у которого наша компания героев безуспешно постояла, не покормив уток. Вокруг такого обычно пруда идет неасфальтированная дорожка. Кое-где могут быть даже понатыканы лавочки. Понатыканность лавочек прямо пропорциональна совестливости главы района, что очевидно.

Так вот, я это все к чему. Я это все к тому, что Ева, Ник, Алекс и Макс стояли в одной точке неасфальтированной дорожки вокруг большой, но очень гордой лужи. И начали движение по часовой стрелке. Интерес в этом вызывает то, что закончили свое движение они уже против часовой стрелки.

«Так случается только в одном случае» – безапелляционно заявила девушка.

– Мы имеем дело с антикошкой.

– Да, я слышал об этом.

– Я слышал, хотя скорее читал, что антикошка всегда ходит по потолку...

– Мехом внутрь...

– Внутренностями наружу.

– Но здесь нет потолка, – вернула инициативу в разговоре себе девушка.

Знакомцы машинально подняли головы вверх, среди импровизированного не самым совестливым главой района парка, чтобы, используя собственные глаза. Каждый свои. Убедиться в отсутствии потолка над головами.

Потолка действительно не было.

– Я ничего не понимаю, – сказал Макс.

– Я отсутствую, – уточнил потолок, который отсутствовал.

– Все прояснилось, – подтвердил Макс.

И тогда правом голоса по собственному наитию наделила себя уточка с футболки:

– Нам нужно найти антикошку, которая заставляет нас начинать ходить по часовой стрелке, а заканчивать ходить против часовой стрелки. И забрать ее себе. Чтобы всегда антиходить.

В силу того, что предложение оказалось более чем здравым, четверо вместе стали особенно усиленно всматриваться в окружающий пространственно-временной континуум. Напряжение нарастало. В воздухе так и повисло тонким свистом нездоровое давление в кровяных сосудах ушей. И вот, наконец-то, Ник Зоркий Глаз увидел, как хвост антикошки недоверчиво и с опаской выглянул из-за куста. Хвост, разумеется, висел в воздухе сверху вниз и никак иначе. Хвост принял вздыбленную, насколько это возможно без шерсти, позицию и, явно обороняясь, начал удаляться куда-то за куст и к небу.

– Она сейчас перейдет нам дорогу! – закричал Алекс и, не медля, бросился в укрытие. Воображаемое по большей части.

Через десять минут неловкого стояния на месте, которое не выявило дальнейших передвижений антикошки, ее хвоста или их в совокупности, оцепенение потихоньку начало разминать ноги, присело пару раз, вздохнуло на дорожку и медленно отступило по своим делам. Скорее всего к сидящей неподалеку даме юношеских лет, которая не нашла момента лучше, чем сейчас, чтобы позвонить по любимому номеру никогда не светящего ей свидания.

– That’s what I call a close call! – прокричал Макс. И действительно, друзей только что миновала участь оказаться на дороге, которую перешла бы антикошка, есть от чего впасть в веселье и возбуждение.

Друзья обнялись, кто как мог, и зажевали нервный испуг купленными для уток печенюшками.

– Есть предложение, – начал было Ник.

– Есть предложение никогда не слушать твое предложение, – помогла ему закончить Ева.

– Принято единогласно! – хором порадовались два других представителя мужского пола.

И дружески весело, почти в детскую припрыжку жизнерадостных придурков из паршивой рекламы, отправились к общежитию.

Хвост антикошки ненадолго высунул им вслед то, что можно было принять за кончик хвоста, и неодобрительно вильнул. Против часовой стрелки. Сложно сказать, повезло ли в данный момент всем участникам происходящего, потому что никто не знает, стало бы лучше, махни он в другую сторону. Но с уверенностью можно сказать, что образ, которым стали с этого момента складываться события, мог бы быть и приятнее.

Теплое городское солнце отражалось от асфальта и приятно грело кожу. Но после инцидента с животным, оно уже не могло избавить обладателей кожи от нехорошей дрожи в костях. Прямо на границе между личным и общественным поселилось какое-то смутное предчувствие, которое могло вылиться как в очередное незначительное спотыкание о собачью кашку, так и в очередную мировую войну.

Ева смотрела по сторонам, явно пытаясь придать своему выражению детскую восторженность от впервые увиденного. На самом деле ее, наверное, в первый раз заинтересовали эти причудливые, разного оттенка зеленого растения. Некоторые высотой по крыши очаровательных красного камня домов, некоторые еле-еле достигали колена и заканчивались нежными разноцветными всполохами флористической жизни.

– Что это за деревья? – спросила Ева, прикинувшись представительницей народов Севера.

– Вот это, например, клен, – указал некультурным указательным пальцем на единственное дерево, что мог опознать, Ник. И правда клен был представлен на этой улице в единственном экземпляре, и совершенно непонятно, откуда он там взялся. С другой стороны, если бы его не было, Нику было бы абсолютно нечего ответить. Он отличал только этот вид дерева. И то благодаря вафлям с кленовым сиропом, который обычно поставлялся на вафли из бутылочки с рисунком клена.

– Я запомнил и всегда взглядом ищу именно эти деревья. С ними много чего связано. Однажды, я был еще совсем пацаном. Мне приснился сон, в котором я летал на кленовом бревне. Я еще и слова-то такого не знал, но почему-то подсознательно во сне осознавал свое летание именно на бревне именно из клена. Детям часто говорят, что летать во сне – к чему-то очень хорошему. Но тогда я отчаянно испугался. Я упал с кровати и долго плакал, а когда попытался объяснить причину таких страданий, меня лишь потрепали по голове, наградили теплым молоком и завернули обратно в одеяло.

На следующее утро ничего выдающегося не произошло. Как и на следующий день. Вечер. Неделю. Ничего особенного не происходило столько времени, что я уже и забыл этот детский

кошмар. Но вот совсем уже в другое однажды я встретил девушку. Я не знал ее имени. Не знал, откуда она, кто она и зачем. Но она несла в руке букет кленовых листьев, радостно им размахивала и улыбалась всем встречным малышам. А потом налетел сильный ветер, эти листья разбросало по всей улице, она побежала их собирать, все также с улыбкой на лице. Я видел, как почему-то деревянный фонарный столб начал нехорошо раскачиваться. Но я шел дальше по своим делам, а потом я услышал крик. Я обернулся. Я уже очень далеко ушел. И почти ничего не увидел. Я скорее услышал, как эту девушку придавило столбом. Я постоял немного и уже почти пошел обратно. Но я всегда приходил домой в одно и то же время, иначе мама начинала меня пилить, у меня за спиной был тяжелый рюкзак, полный учебной ответственности, которая на тот момент, как меня уверяли, была главной моей задачей и работой. Я потом еще миллион отговорок себе придумал. И успокаивался тем, что девушка жива и здорова. Тем, что, наверное, нет просто так плохих и хороших людей, всего лишь мы иногда выбираем себя вести, как плохие люди. И что у каждого есть свои причины на все.

С тех пор я решил, что буду из всех деревьев знать только клен. И я уже устал рассказывать.

Молодые мужчины понурили головы и загрустили каждый о своем. Общежитие отчетливо возвышалось всеми своими пятью этажами на другом конце небольшой улицы. Ева соотносила в своей голове причину – грустный голос Ника, историю, в конце которой нет слов «и жили они долго и счастливо» – со следствием – приутихшими, опустившими головы и плечи друзьями, задумчивыми взглядами. Не самая понятная для Евы реакция. В ее мире не было до этого момента места для таких эмоций и переживаний. Как и места для деревьев, цветов, кустов. Ева во всем этом всегда очень плохо разбиралась, но изредка ей очень хотелось действительно видеть в розах (а так она называла все, что было похоже на цветы) повод для радости (а так она называла любое чувство, что не было похоже на боль).

Они продолжали идти, понуриив головы немного. И каждого обуревало страстное желание избавиться от остальных. Побывать наедине с сегодняшним днем. Не отдавать его никому. Ощущать его полностью и быть полным эгоистом по отношению к самому себе. Их рты больше не желали произносить ни звука, уши совершенно не собирались слушать. Что бы там кто ни говорил. Они все ощущали страшную усталость. И выхода для них иного не было, кроме стеклянных дверей входа в общежитие. Где, благодаря такой разумной постройке их неведомых предков, было достаточно прохладно. Чтобы в одиночестве провести остаток дня, о котором они больше никогда не будут вспоминать. Если не считать те редкие моменты в самом разгаре тусовочного веселья, когда вдруг так сжимается все внутри. И ты вспоминаешь эти липкие и томные одинокие вечера. Когда ты бы мог развлекаться, но выбрал лежать на кровати и занудством усыплять себя.

Повинуясь общему настроению, Ева не спешила никого тревожить своими наблюдениями. И вопросами, ответы на которые помогли бы ей лучше понять этих странных людских существ вокруг нее. Она молча подобрала свой любимый чемодан. Вообразила его верным песиком, дала ему имя – Клаус. И подняв голову на достойную достойной девушки высоту, начала свое восхождение по ступеням общежития.

Ступеней было всего три, хоть и высоких, бетонных ступеней. Она без проблем преодолела их все и была слишком занята одновременным открытием двери и протискиванием в нее себя и чемодана, чтобы обращать внимание на некоторые неприятные обстоятельства.

И дело было вовсе не в том, что молодые люди ей не помогли. Она для них просто не существовала сейчас. Они хотели быть одни и полностью удовлетворяли это свое желание.

Дело было в том, что забытый где-то там, в районе кустов, хвост антикошки все же выследил Еву, шел за ней по пятам, изучал ее. Он не желал ей зла. Он вообще не мог желать того, о чем не имел ни малейшего понятия. Потому что знать о зле можно только зная о добре. Но хвост не оперировал этими понятиями. Он всего лишь знал, что, как только Ева пересту-

пит порог этого дома, дом припомнит ей все. И больше не выпустит из себя. И не будет для нее надежды, потому что уже сейчас те немногие, кто мог свидетельствовать в пользу ее присутствия, вычеркивали из своей реальности и Еву, и друзей, и самих себя. У Евы не оставалось практически никаких шансов когда-нибудь выбраться из общежития. Хвост антикошки возбужденно вилял. Ева продолжала свои попытки по перемещению сквозь неприветливый дверной проем.

– Йобушки-воробушки! – с чувством и полным отсутствием цензуры выругалась Ева.

И скрылась в темном прохладном коридоре.

Никто не заметил потери. Никто больше о ней не вспомнил. Ник, Алекс и Макс молча докурили очередную сигарету и разошлись смиренно по своим комнатам для депрессирования в последние дни лета. Хвост антикошки довольно возвращался в родные кусты, чтобы рассказать о произошедшем телу антикошки, которое в свою очередь (очередь устанавливается в начале каждого отчетного периода) расскажет об этом разуму антикошки. То есть сама антикошка узнает обо всем произошедшем примерно через неделю.

Солнце продолжало светить как ни в чем ни бывало. Цветы росли, птицы пели. Люди прогуливались и спешили по делам. Не прибавлялось и не убавлялось цели и смысла жизни. И только ветер, одинокий в своем вечном ветреном путешествии, тербил, трогал и обволакивал так нечаянно подаренный ему кусочек сломанного о дверь общежития Евиного ногтя.

II (Лара)

Шум. Шум и темень. Не белый шум. Серый шум. Серый шум бетонной коробки с вкраплениями стекла. И редкими признаками жизни. Там было сколько угодно признаков существования. Но практически не было жизни. Какая жизнь может благоухать и процветать, будучи закованной в бетон. Отрезанной от того прекрасного летнего мира. Спрятанного за простой стеклянной дверью. Увы, преодолеть эту дверь обычно получается только в одну сторону. Не потому, что никто никогда не выходил из общежития. Потому что общежитие никогда. Почти никогда. За редким исключением. Будем откровенны. Исключение было только одно. И сейчас оно жило на самом верхнем этаже. Занимало собой весь этаж этого бетонного памятника существованию. И только оно могло входить и выходить из общежития точно на тех же правах, на каких общежитие входило и выходило из него. Но все остальные были слишком заняты проведением своего времени в этих условиях пахнущего пылью помещения.

Высокая лестница без ковра. И стены без краски и картин. Перила облезлые дочерна. Досера. Добела. И потолок в паутине. Никто не может объяснить эту паутину. В общежитии много-много людей. Они все в своих пределах чистоплотны. Но паутина, как бы они ни старались, все равно остается на своем месте. Никто никогда не видел пауков, но паутину видели все.

Прямо на Еву смотрела эта лестница, которая вела только вверх. И заканчивалась высокими немывыми не одно столетие окнами. Казалось, что окна здесь были еще до появления самого здания. И с тех самых пор их никто не мыл. Потому что, когда общага была построена вокруг окна, все уже знали, что их немывтость – необходимое условие. На котором и возвышалась эта фундаментальная бетонная девятиэтажка.

Ева вошла в красный кирпичный пятиэтажный приветливый дом, волоча за собой большой синий чемодан на колесиках. А пришла в бетонную девятиэтажку без багажа и в одежде, до которой ей бы никогда в голову не пришло бы и пальцем дотронуться. Но теперь эти вещи трогали все ее тело.

Ева закатала рукава. Ей всегда так нравилось больше.

Мимо бегали какие-то люди и галдели без умолку. Музыка ниоткуда не было слышно. Но как будто отовсюду доносились отрывки самых разных телевизионных программ. «Хотя бы один шанс не умереть здесь со скуки у меня есть» – спокойно подумала Ева, готовая ко всему. И в этот же самый момент мимо нее пробежали две девчужки лет трех. И громко смеясь оттого, что они бежали, скрылись в дверях. Ева хотела посмотреть, куда же они побегут по этой теплой, но такой враждебной для одиноких малышей улице. Но внутри было слишком темно. На улице слишком светло, и она никак не могла разглядеть ничего, что находилось бы чуть дальше от ее носа, чем позволяли условия что-либо разглядеть.

«А если вы можете прочитать и эти две строчки, значит вам не нужны очки» – опять подумала Ева и сделала мысленно пометку в голове о необходимости проверки зрения.

К сожалению, именно в тот момент, когда пометка удобно разместилась на своей верхней полке, раскрыла газету и приступила к ожиданию момента своей надобности и той самой температуры чая, когда его можно безболезненно пить, ее грубо прервали. Странное воспоминание об арбузной жвачке визгливо потребовало от пометки о необходимости проверить зрение освободить полку, засунуть газету себе в задницу и катиться кровяной колбаской так далеко прочь, как только может хватить крови в этой самой колбаске. Поскольку пометка была исключительно интеллигентна, она фыркнула, перевернула страницу газеты и со словами:

– Ты хоть представляешь, кто меня создал? – продолжила не читать свое очень интересное печатное издание. И поплатилась. Верхнюю полку, а потом нижнюю. И соседнее купе. И в общем-то весь вагон тушили пять часов, не выжил никто.

Кроме, разумеется, задиристого воспоминания об арбузной жвачке. Которое визгливо провозглашало свою правоту. Свидетельством же таковой правоты у воспоминания служил самый очевидный факт физического превосходства: воспоминание было живо. О пометке больше никогда и никто не слышал. Не хотел слышать. Отвергал сам факт возможного, еще только возможного и гипотетического существования где-то рядом с собой такого крамольного явления, как пометка о необходимости проверки зрения.

Этот скромный и случайный конфликт так бы и остался на задворках сознания Евы, если бы он уже не был признан совершенно неинтересным и не покинул ее сознание окончательно и полностью. Так в очередной раз, никого не удивляя, виновный остался безнаказанным. Виновный, разумеется, только с точки зрения пометки. Потому что с точки зрения воспоминания именно пометка была виновна во всех смертных грехах, в которых воспоминанию пришлось принимать самое активное участие.

Скажем, в тот самый момент, когда воспоминание могло спокойно себе пройти мимо шоколадного торта «Черный принц», именно пометка толкнула события таким образом, что торт оказался у воспоминания во рту. В аналоге ротового отверстия, конечно. Но я плохо разбираюсь в анатомии этих существ, поэтому просто буду называть их части тела привычными для меня именами. Из-за этого всего воспоминание сильно прибавило в весе и опустилось почти что ниже всех других воспоминаний. А оттуда очень трудно пробить себе дорогу обратно на поверхность, туда, где тебя помнят. Хотя торт был очень вкусный. Чересчур вкусный. Такой вкусный, что еще раз пройти мимо него было бы почти совершенно невозможно. Но какова цена этого торта! Каков выбор! Забвение или торт? Торт или забвение? Именно потому, что за воспоминание выбрали, оно было уверено, что само бы никогда такой выбор не совершило.

Или, например, когда воспоминание оказалось косвенно виновным в гибели многих при пожаре в вагоне с пометкой на верхней полке. Ведь не воспоминание было виновато в этих смертях. А вовсе сама пометка.

Воспоминание и желать бы никогда не возжелало жену ближнего своего. Но так уж получилось, что именно пометка своей непрекращающейся песней о дивных глазах обратило внимание воспоминания на дивные глаза жены ближнего его.

И так далее и тому подобное. Так что с какой-то точки зрения виновный был наказан. С другой точки зрения, не был. Какая разница, какой точки зрения придерживаться, если обе они верны.

Ева, одетая в потрепанную временем, но все равно опрятную длинную юбку. Ниже колена, но не до щиколотки. Окончание юбки как раз доходило до того места ноги, где была середина нижней части ноги. Нижняя – это та часть, которая между коленкой и щиколоткой. Кажется, юбка была льняная. Но очень серая. На Еве еще была кофта. Почти такого же серого оттенка, только чуть светлее. С длинными рукавами, свободная и с широким горлом. Как мы помним, длину рукава уже сложно оценить, потому что рукава Ева немедленно закатала.

Девушка стала подниматься по ступенькам лежащей у ее ног лестницы. Все четыре ступеньки спустя Ева встала. В прямом смысле. Перед нелегким выбором: идти влево или вправо. «Мы всегда ходим налево!» – подумала Ева и, не медля, повернула направо. Направо виднелся коридор, почти без света, с дверями по обе стороны от себя. По крайней мере таким виделся коридор на расстоянии в ближайšie пятьдесят шагов. Ева начала свой путь.

Несмотря на отсутствие ковровых дорожек, она все равно ощущала себя героиней какого-то очень плохого сериала. И хотела оттянуть момент понимания: плохой и дешевый это сериал про псевдо-страдания молодой девичей души. Или же дорогостоящая драма о том, что действительно важно: интригах, сексе без разбора и неожиданных, но таких изящных, убийствах.

И если бы возле Евы был в тот момент какой-нибудь очень внимательный наблюдатель, он обратил бы свое внимание на ее ноги. Красивые, безусловно, ноги. Но интерес его привлек бы не только этот факт. Ева все еще была в кроссовках. И кроссовки эти тоже были серые.

И шнурки на кроссовках неспешно, никуда не торопясь и поворачиваясь словно через силу. Все же неотвратимо принимали обратно свой белый цвет. Белый цвет шнуркам очень шел. Еще немного и он начал бы блестеть и затмевать собой окружающий никчемный интерьер.

Из комнаты, на двери которой были цифры «112», вывалилась пьяная рожа.

– Это не водонос! – рожа спряталась обратно. Но скоро об этом пожалела, потому что через буквально несколько секунд распахнула дверь вновь и вывалилась в коридор, погоняемая поганой тряпкой. Рожа плюнула прямо под ноги Еве. «Как грубо!» – подумали шнурки, которые в ужасе сжались, они ведь совершенно не хотели опять испортить свой любимый, так идущий им, белый цвет.

Рожа подобрала поганую тряпку с пола, закинула ее себе на плечо и, ни капли не раскаиваясь, продолжила свой путь в непеленгуемом направлении. Рожа шла по синусоиде, но скоро все же стала раскаивать из себя капли все той же ядовитой слюны и начала ломиться в дверь, с косяка которой криво свисала с пассивно-агрессивным негодованием табличка с числом «137».

– Водонос был?

– А ты мне за это что?

– Тьфу! – и рожа, очевидно раздосадованная таким течением диалога, поправила арбузные семейные трусы и двинулась дальше в своем нелегком и отнюдь не героическом Водоносном походе.

Вода никогда не лилась так быстро, как в это чертово утро в этом осточертевшем общезжитии. Водонос куда-то пропал, и вода выливалась со всей радостью только что уволившегося по собственному желанию менеджера среднего звена. Она больше не текла в, она текла на и принимала с радостью все формы, встававших на ее пути вещей и предметов. До которых мы все дотрагиваемся. На которых мы оставляем каждый раз маленькую часть себя.

Где-то там, далеко под кроватью, у самой стены у Аси была коробочка с сокровищами. Воспитатели первого межгалактического детдома периодически устраивали очень тщательные проверки комнат, в которых жили дети. Они приходили с большим мешком и собирали туда все, что, согласно постановлениям и формулярам, которые следовали всегда по пятам воспитателей, не давая им вольнодумничать и не оставляя права на ошибку и незнание, попадало под категорию «хлам». Но Ася никогда не могла так просто расстаться с дорогими ей вещами. Как можно выкинуть чек на мороженку, которую они купили на первые в жизни выигранные в межгалактическую скакалочку деньги? Это была шоколадная мороженка для нее и фисташковая для ее друга. В черных вафельных стаканчиках. Они ничем не отличались от обычных коричневых, но выглядели круто. Потому что все дети обычно выбирают ярко-розовые или огненно-оранжевые. Все взрослые обычно не заморачиваются и выбирают стандартные, цвета печенья. И только они выбрали черные. Какой счастливый это был день! Как можно выкинуть единственное свидетельство о том, что он все-таки когда-то был? Никак нельзя. Поэтому Ася и хранила чек на мороженое в своей коробочке с сокровищами глубоко под кроватью, у самой стены, где никто и никогда не будет смотреть, а даже если и посмотрит, то ни в каком постановлении не написано, что там нельзя хранить хлам. Так что Ася сможет спорить до последнего, чтобы ее сокровища ни в коем случае не выкинули.

Вода текла и текла, потому что некому было ее остановить. Некому было сказать ей, как она неправа, где она ошиблась. Некому было устроить для нее показательный потоп или порку. Потому что в то утро никто не видел водоноса.

Ева продолжила свое путешествие по коридору примерно в том же направлении, что и рожа в арбузных трусах. И чем дальше они шли, тем мокрее все вокруг становилось. Рожа периодически стучалась в разные двери, на которые были прибиты таблички с цифрами. Ева знала цифры, и числа, и буквы. Но почему-то конкретно эти вызывали у нее смущение и вопросы. Они никак не хотели вставать в правильном порядке. Никак не могли следовать

одно за другим. Что-то в них было порочно нелогичное. Это сбивало с толку. Ева больше не думала о том, где она, зачем и почему. Ее не смущало тупое следование по коридору за каким-то непонятным мужиком, который всем задавал вопрос про водноноса, о котором Ева и слышать никогда в жизни не слышала. Ее смущали только эти цифры. Где-то в глубине своих соображений, боясь признаться в этом даже самой себе, она понимала, что именно не так. Но понимание бежало от любого столкновения с сознанием, ускользало от дачи объяснений. Поэтому Ева просто шла, задумчивая, но без шансов на обретение покоя в мыслях.

– Воднос был? – в очередной раз послышался знакомый вопрос в глубь очередной комнаты стандартной планировки общежития квартирного типа.

– Зачем тебе воднос? Тебе что, воды мало? – ответила невысокая миловидная женщина с пышноватыми формами, опрятными прямыми черными волосами до плеч. Ее большая грудь была приятно очерчена сероватым свитером, а на все остальное смотреть уже было и не нужно. Женщина наклонилась, провела рукой по полу. И только тогда рожа в арбузных трусах и Ева поняли.

– Черт возьми! – завопила рожа. – Да у нас потоп!

Рожа развернулась и с места вбежала прямо в Еву, которая не смогла таким же оперативным образом среагировать на то, что уже несколько минут они шли по щиколотку в воде, что мужик впереди резко развернулся и что, наверное, надо было бы уступить ему дорогу.

– О! Ты смотри! Да это же наш новый препод! – радостно возвестила рожа, потирая ушибленное об Еву плечо.

Женщина немедленно заулыбалась и приняла тот самый вид, который приличные женщины принимают, когда хотят понравиться другим приличным женщинам.

– Вы будете жить с нами? – спросила она.

– Боже, надеюсь нет! – не сильно задумываясь о последствиях ответила Ева.

Переглянувшись в легком недопонимании, с явным выражением на лице, которое глаголю «человек, что, не следит за беседой? Мы ведь это только что обговорили», женщина и мужик начали говорить одновременно, но мужик, почему-то именно сейчас оказавшийся джентльменом, дал закончить мысль даме:

– Мы сегодня нигде не можем найти водноноса. Но, если это вас не сильно расстроит, можете посидеть пока у меня в комнате. А там посмотрим.

Ева не нашла причин, по которым она должна была бы расстроиться. Задумываясь о сакральном значении водноноса в этой плавающей по щиколотку в воде общине она тоже была не склонна. Поэтому молча приняла приглашение и вошла в комнату. Внезапно очнувшийся в мужике джентльмен вежливо попрощался с женщиной и выпал из поля зрения.

– Лара! – заверещал откуда-то из соседнего помещения другой мужской голос. Женщина, склонив голову, пошла скрыться за одной из трех дверей, которые вели из помещения, где она сейчас находилась с Евой. Другая дверь была той, через которую вошла Ева. Третья дверь вела куда-то еще.

Комната в принципе не сулила ничего хорошего ее обитателям и случайным гостям. В ней были собраны все лучшие атрибуты старой квартиры, в которой один за другим умирали старики. Большой и бесполезный шкаф во всю стену и до самого потолка. Некоторые полки были открытыми и нещадно пылились вместе со всей посудой из разрозненных сервизов. Пыль изящно покрывала каждую трещинку и скол на фарфоре и прекрасно загоразивала блеск стекла и без того мутного хрусталя. Когда-то все открытые полки были стеклянные, но часть заменили, и уже давно, грубые деревянные. Иногда взгляд, следующий по этим хрупким предметам, наследиям когда-то не самого богатого, но все-таки прошлого, спотыкался об уродливые маленькие игрушки, засохшие цветы и записки. Шкаф производил такое грустное впечатление, что даже не подталкивал любопытство узнать, что же там, за непрозрачными створками.

Евины белые шнурки неумолимо тянуло к полу. На нем лежал такой понятный и дешевый ковролин. Любовь ко всему простому и дешевому поглощала шнурки полностью. Они бы предпочли любую вредную еду за три копейки самому изысканному блюду, они бы выбрали быть старыми дряхлыми шнурками в разваливающимся уже не первый сезон кедах, чем быть блестящими и модными застежками на дорогуших туфлях, они выбрали бы без раздумий старый протертый мягкий диван свеженькому только что допиленному дизайнерскому креслу. Этот светло-зеленый ковролин был приятен на ощупь и на взгляд своей выцветавшей старостью, которая была единственным уютным местом в комнате. Сверху на него угрюмо смотрел серый потолок в разводах от былых наводнений и люстра с тремя плафонами, из которых один был треснутым, второй лишился лампочки еще в прошлом веке, и только третий был единственным источником света. Свет среди бела дня был необходим, потому что окна были маленькими, пыльными и не выходили на солнечную сторону. Или просто солнца не было. Из этого окна было сложно смотреть на окружающий мир, его почти не было видно. Зато тем проще было смотреть на отражение собственных печальных глаз, которые так и сочатся отчаянием и желанием вырваться наружу.

Несмотря на то, что в комнате было наставлено полно какой-то мебели различного назначения, а приличия наверняка еще теплились даже в этом выпавшем из действительности уголке теплящейся жизни, Ева выбрала единственный известный ей путь. В любой ситуации в любых гостях она всегда полулежит на диван и ждет, чем ее порадует туманное будущее.

Диван неприятно прогнулся своей твердостью под ее весом и скрипнул.

Открылась дверь. В Еву без ее на то явного желания забралось неприятное ощущение, что открылась дверь не та, в которую совсем недавно вошла Лара. Но наверняка этому было однозначное и очень простое объяснение. Лара почему-то держала в руке веник.

– Мне нужно сходить за доктором.

На том она и удалилась прочь из комнаты в коридор.

Ева продолжила полулежать на диване.

Ожидаемо практически сразу за выходом Лары по направлению из комнаты в сторону доктору, где бы тот ни находился, внутрь комнаты попал молодой человек приятной наружности.

– Пить будете? – попытался быть галантным молодой человек.

– Все, что горит, – нисколько не задумываясь над однозначным ответом, сказала Ева.

Молодой человек быстренько метнулся к одной из закрытых створок шкафа, откинул ее и явил на тусклый свет одной лампочки одинокого в своем приличном виде плафона и солнца, которое было не видно и чье присутствие легко было оспорить, импровизированный мини-бар.

– И я сказал ему: «Рома! Пойдем не купим рома!». И знаете, что случилось? Именно ром-то мы и купили, – доставая самую пузатую и самую полную бутылку сказал молодой человек. Ева понимающе кивнула. – У меня только вишневый сок есть, пойдет? – продолжил он. Ева снова кивнула, уже скорее одобряюще нежели просто с понимаем.

– Вишня не горит, – заметила она.

– Врут календари, – поддержал ее собеседник все стремительнее преобразующийся в собутыльника.

– И чтобы повод появился, сначала накати! – закончили нехитрую песенку они уже хором и немедленно выпили.

– Я бы музыку включил, но есть только телевизор.

– Только не музыкальный канал.

Замечание было тем более ценным, что старенький толстый телевизор с проржавевшей антенной мог показывать всего только три канала, самым близким на которых к музыке была реклама.

– Я люблю смотреть рекламу, – сказала Ева, прихлебывая выданную ей смесь рома и вишневого сока из пластикового стаканчика.

– Я люблю смотреть как умирают дети. Вы прибоя смеха мгlistый вал заметили за тоски хоботом?

Ева задумалась над таким же интеллектуальным и забавным ответом.

– Аминь!

Первый пластиковый стаканчик, сопровождаемый этими искрометными тостами, стремительно подходил к концу своего содержимого. Молодой человек еще не дошел до стадии, когда о галантности уместно немного забыть, поэтому метнулся к импровизированному бару еще раз, наполнил стаканчики и вернулся на свое место на низком коричневом пуфике с гнутыми ножками. Он выглядел очень смешно, будто кентавр-мутант, который вот-вот сорвется с места покорять поля.

Ева вяло пыталась понять, за какой же дверью мог прятаться туалет. Очевидным было только, что вряд ли туалет находится в коридоре, из которого она сюда попала. Оставалось еще два выбора. В одну дверь Лара ушла, из другой вышла. Что логичнее: заходить в туалет или выходить из него? Что кажется более разумным: пойти в туалет сразу после того, как пригласил кого-то с тобой жить, или выйти из туалета перед тем, как отправиться на поиски доктора? Вопросы множились и множились, как пузырьки в стакане с газировкой. Ева вспоминала, где она еще могла слышать это сравнение. Потом вспомнила, что молодой человек буквально несколько минут назад процитировал стихотворение. «Удивительно, никому раньше не приходило в голову читать мне стихи.» – подумала она про себя. «Даже если это такие стихи?» – начало спорить с ней и занижать ожидания ее второе я. «И это странным образом похоже на фразу из какого-то фильма.» – подумала опять Ева.

– Я тут недавно сериал смотрел. Вообще не думал, что когда-нибудь буду сериалы смотреть, а тут вот взял и посмотрел.

– О чем?

– О жизни.

Ева снова крепко задумалась. Бывают ли другие сериалы? Не о жизни? Например, о смерти. Но тогда что бы показывали в сериале о смерти? Ведь по сути это тоже был бы сериал о жизни, только после смерти, потому что показывать в течение шести сезонов, каждый из которых состоит из 20 серий, черный экран и долбанное ничего было бы слишком круто даже для современного кинематографа. «А что, это идея» – мелькнуло у Евы в голове.

– Круто было бы снять сериал, – задумчиво и уже вслух подумала Ева.

– Сценарист должен хорошо питаться! А бутылка пива заменяет два бутерброда! – на этих словах молодой человек откуда-то вытащил открытую пачку соленых палочек.

«И все-таки, как правильно „о чем-то“ или „про что-то“, ведь и так, и так говорят» – не переставала мучить себя вопросами Ева. «Интересно, что я сижу здесь уже вон сколько времени, а он так и не спросил меня, о чем я думаю».

– Как думаешь, может попробуем открыть окно?

– Да, лето же в конце концов.

Лето пахло пылью и асфальтом. И бесконечным разочарованием. Потому что целый год она ждала лета, перемен, небывалых приключений. А теперь она просто сидела в тесной квартире с каким-то непонятным человеком в ожидании других непонятных людей. Ей не очень-то хотелось именно понимать. Просто немного более интересных деталей бы не помешало.

Через открытое окно влетал запах возможной розы под окном, на которой сидела возможная коричневая бабочка. Красивая бабочка. Бабочки, на самом-то деле и, если хорошо задуматься, всего лишь обман. Это такие же гадкие насекомые, как и тараканы. Просим заранее прощения у всех любителей и обожателей и защитников прав тараканов. Что никак не меняет ситуации с тараканами, которые по всем объективным причинам, как-то: они уродливые и гад-

кие – совершенно омерзительные живые существа. Только то, что это живые существа, не позволяет всем остальным живым существам объявить их неприемлемыми и уничтожить. Даже Машенькам не позволяет.

А бабочки самодовольно думают, что раз они сделали себе прическу и макияж, намалевали каких-то там кружочков на крыльях и весело так порхают с одной очаровательной розы на другую, то все должны быть от них в восторге и падать к их маленьким волосатым лапкам. Однако к удивлению и недовольству этих коварных существ, мы-то с вами знаем правду. И не поддадимся на уловки гусениц, которым в один прекрасный день приходит в голову идея внезапно окуклиться. И превратиться из гадкой гусеницы в прекрасную бабочку, передразнивая гордых и гораздо более вкусных птиц из детских сказок.

Про вкусных, конечно, у каждого свое мнение. Утка, например, однозначно вкусная, тут и двух мнений быть не может. А лебедей, вероятно, не очень законно употреблять в пищу. Они же такие красивые, изящные. И песни поют. Хоть иногда. Пусть хоть и раз в жизни. Но зато как!

Всем этим пахло из открытого окна. Слишком грязного, чтобы увидеть и розу, и бабочку, и утку, и лебедя, и таракана, если по какой-то случайности они бы даже собрались все вместе с флажками и дудками на какой-нибудь ежегодный митинг, скажем, против или, скажем, за.

Деревянная рама постоянно так и норовила поглотить полностью тоненький старенький тюль. Тюль не очень сопротивлялся, скорее всего из-за старости. Молодой человек жевал соленые палочки и в уме прикидывал ставки на победу оконной рамы. По всему выходило, что он выигрывал у себя кругленькую сумму. Молодой человек не был азартен, скорее наоборот, поэтому не отважился держать пари с самим собой. Ему была неприятна мысль проиграть себе. Он представил, как каждый день перед сном ему будет являться он и гнусно хихикать, намекая на его проигрыш себе.

«Это самый унылый день в моей жизни» – начала ныть про себя Ева. «Я не знаю, где я, я не знаю этих людей, я не знаю, что мне нужно делать дальше. Неужели так сложно повесить везде таблички типа „Вам туда!“ или „Ева будет жить здесь“ и „Обед выдают прямо по коридору за красной дверью с часа до двух“. Ну сколько могут стоять такие таблички? Да нисколько, достаточно же их просто от руки на бумажке написать, и все будет понятно. Стрелочки бы хоть повесили. А теперь я сижу здесь. И ничего не происходит. Ровным счетом ничего. Отвратительное ничего».

– Сегодня ничего не произошло, – сказал молодой человек.

– Я виню в этом всех, кто здесь живет. Почему, почему тут все такое непонятное? Почему новичкам должно быть трудно? Почему мы должны сами каким-то никому не ведомым образом выяснять, что должно происходить с нами дальше? Что мне делать? – Ева еле заметно переходила на крик, ее щеки краснели, будто в них сосредотачивался весь вишневый сок, что она пила. Ее голос был чуть более несчастным, чем он привык быть, и это никому не нравилось. Молодой человек не знал, что ответить, но очень не хотел, чтобы Ева была громкой или непонятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.